

Реабилитация Чичикова

2 том «Мертвых душ» —

это мы сами

ДВА года назад норвежский исследователь Гоголя Г. Хьетсо высказал убеждение, что второй том «Мертвых душ» вовсе не сгорел в камине дома № 7 по Никитскому бульвару, а спокойно лежит в одном из тайных архивов КГБ. Тогда наши гоголеведы поморщились от такого несурзадного предположения и на смелую гипотезу дотошного скандинава публика не обратила внимания.

За минувшие с тех пор два года произошло столько событий, считавшихся доселе невероятными, что мы оказались морально готовы и к воскрешению «Мертвых душ». Особенного потрясения в стране не наблюдалось. Как будто так и надо. Переживем, если случится, и рассекречивание Гоголя. Сядем вечером у телевизора, а тут нам — новости культуры: «Получите, граждане, драгоценный том любимого классика. Скрывали большевики от народа, а мы вот тут посоветовались и решили обнародовать. Пускай весь мир знает, при каком тоталитарном режиме мы жили...»

Все это настолько правдоподобно, что кажется, другого финала у многострадальной гоголевской эпопеи и быть не может. И не надо протирать глаза, чтобы заметить в мчащемся по Тверской лимузине мутное лицо благонамеренного господина.

Сто пятьдесят лет не тронули коллежского советника П. И. Чичикова. Да, он тоже

отбывал срока, лишился порой последнего имущества, страдал, но — жив, жив. Нас учили, что он — наше проклятое прошлое, и мы били его толстыми хрестоматиями по голове. Теперь мы принуждены пешком догонять его смешную бричку, что уже совсем не смешно.

Просвещенная публика погрузилась в чтение первого тома «Мертвых душ» летом 1842 года. Книга 33-летнего автора вызвала эффект, который трудно назвать литературным. Открылся какой-то ящик Пандоры, а из него стали выпрыгивать типы, которых никогда не было в жизни, но которые всякому читателю подмигивали, как хорошему знакомому, и всякий вынужден был признать: «Где-то я видел эти лица, но вот только где?..»

Как напишет позднее В. Розанов, «один вой, жалобный, убитый, пронесется по стране». Кинулись искать автора, торопить его со вторым томом, чтобы он скорее, скорее захлопнул свой ящик, остановил толпу своих мерзких героев. Но пока ругались да собирались, гоголевские созданыя разбежались по стране, прикинулись живыми, и уже сам Гоголь ничего не мог с этим поделать.

Н. Гоголь: «С того времени, как только ступила моя нога в родную землю, мне кажется, как будто я очутился на чужбине. Вижу знакомые родные лица, но они, мне кажется, не здесь родились,

а где-то их в другом месте, кажется, видел...» (январь 1842 года).

Один из первых отпечатанных экземпляров «Мертвых душ» Гоголь преподнес Николаю I. С тех пор император и вся Россия стали ждать второго тома. Уже в 1842 году ходили упорные слухи о том, что второй том написан и кто-то слышал отдельные главы. Но вот проходит год за годом, а обещанного тома с «идеальной» Русью и рассказавшимся Чичиковым не было. Автора обвиняли в лени, обмане. Мистификации и мистицизме, объявляли сумасшедшим, грозили забвением и нищетой. Но ничего не помогало. Гоголь печально и надменно молчал.

И так — почти десять долгих лет. Одни думали: набивает цену, другие махнули рукой. И, кажется, никто не понимал, что своим молчанием Гоголь оберегал Россию от чего-то страшного, вдруг открывшегося ему...

Н. Гоголь: «Если бы я вам рассказал то, что я знаю, тогда бы помutilись ваши мысли, и вы подумали бы, как бы убежать из России. Но куда бежать? — вот вопрос...»

Как сказано в учебниках литературы всего мира, ранним утром 12 февраля 1852 года Гоголь предал огню произведение, над которым работал 12 лет. Через несколько дней Гоголь умирает, ни одним словом — ни письменным, ни устным — не подтверждавая сожжения. Но легенда наш-

ла многочисленных энтузиастов и авторитетных защитников. Почему-то всем сразу стало легче. Никто не сказал: «Сжег и слава Богу!», но это, несказанное, и без того читается в некрологах и поспешной посмертной критике. Словно Россия не потеряла великую книгу, а освободилась от нее, непрочитанной.

У «Мертвых душ» в этом году две даты: 2 июня — 150 лет со дня выхода первого тома, и 12 февраля — 140 лет со дня исчезновения второго. Как и думал Гоголь, его поэма стала бесконечной: все, что произошло с тех пор в России, стало Вторым Томом. Зря нас берег Гоголь от своих прозрений. Мы все равно узнали, чем все кончилось.

И все-таки это еще не финал, второй том еще не прочитан. Гоголь молчит. Значит, нас есть еще от чего беречь.

Ночной разговор с Гоголем*.

— Мы, кажется, опять запутались: где мы, что с нами?..

— Уныние... есть душевное убийство, страшнейшее всех злодеяний, совершаемых человеком, ибо отрезывает все пути к спасению...

— Да, нам бывает очень плохо...

— Весь мир страдает. Все люди, с которыми я ни сходился и с кем ни знакомился

коротко, все страдают, даже и те самые, о которых по виду меньше всего можно заключать, чтобы они были несчастны, так что даже и решить не могу, чьи страдания сильнее. Мне кажется, что тягостнее всех других страданий страдания, происходящие от взаимных недоразумений, а эти страдания теперь стали решительно повсеместными.

— На кого же полагаться?

— Есть ковчег среди колебания всеобщего — святая церковь, в которую можно ежеминутно укрыться... Есть и духовники, кому исповедать свою душу.

— Поколения наших предков молились и за себя, и за детей своих, и за нас, и что же?..

— Вы говорите, что Россия долго и напрасно молилась. Нет, Россия молилась не напрасно. Когда она молилась, то она спасалась...

— И все-таки. Что делать человеку, брошенному на обочине собственной страны? Его оставили духовные пастыри, его предали учителя и забыли ученики... он даже не знает теперь, чей он гражданин?

— Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, а высокий гражданин высокого небесного гражданства. Мне ставят в вину, что я говорил о Боге... Что ж делать, если говорится о Боге?.. Что ж делать, если

наступает такое время, что невольно говорится о Боге?

— Как вы думаете, найдется второй том?

— Помните, что в то время, когда мельче всего становится мир, когда пустеет жизнь, в эгоизм и холод облекается все и никто не верит чудесам, — в то время именно может совершиться чудо, чудеснее всех чудес...

— Вернись вы сейчас, вам дали бы почетный титул диссидента, вы были бы в моде и политики искали бы вашей дружбы...

— Я их не вижу, не чувствую. Мне бы дорога теперь да дорога, в дождь, слякоть, через леса, через степи, на край света... Жизни, жизни! еще бы жизни! Я ничего еще не сделал...

— Прощайте?..

— Прощайте! Русский ум не любит, когда ему изъясняют что-нибудь слишком долго.

НАПИСАВ страницы двести для своей поэмы, Гоголь уходил, а иной раз просто убежал из комнаты, словно испугавшись чего-то. Он долго бродил по своему любимому Риму или, забравшись на аркаду, ложился спиной на древние теплые камни и по полдня смотрел в голубое небо.

Умирая в февральской Москве, он сказал только: «Лестницу! Поскорее давай лестницу!..»

Д. ШЕВАРОВ.

* Здесь и далее — подлинные слова Гоголя из его переписки. Вопросы — авторские.